

Островский Александр Николаевич

Дикарка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
Дикарка / Островский Александр Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 121 с.

ISBN 978-5-521-26741-5

ISBN 978-5-521-26741-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Высо́й. Ужъ это вѣрно. Коли коротко свичежъ, ну, еще ничего, а коли продолжительныя сирѣи, такъ ужъ припасай те моданы. Я съ ними и въ Петербургъ бывалъ: по началу, съ приѣзда все такой, каждый день во фракъ, все больше по дамъ... а тамъ глядишь и засветаетъ, ну зна-читъ, на другую сторону, потянуло... и закати-ся, поминай, какъ звали!

Гаврило. Когда еще скажутъ-то, мы всего пятый день здѣсь; съ мѣсяць-то можно про-жить; разве это общество...

Высо́й. Тутъ не общество, тутъ глав-ная причина: привязки ему нѣтъ.

Гаврило. Какая привязка, коли онъ же-натый человекъ.

Высо́й. Это онъ ни во что считаетъ, это-го ему мало.

Гаврило. А я и не зналъ, что онъ женатъ-то. Пять мѣсяцевъ живу, а все думалъ, что баринъ у меня холостой; потому ни изъ раз-говора, ни изъ чего приметить этого нельзя у него, холостой, да и всё тутъ.

Высо́й. Да онъ и похожъ на холостого; а не саматъ-бы, ужъ седьмой годъ женатъ. Баринъ на удивленье!

Гаврило. На счетъ доброты?

б.

Высои. На счете доброты, обходительности и всего.

Таврило. Но присесть тожь, и займаться, словно, какъ они другъ другу не въ маеть; музыку эту тянутъ, а ладу не выходитъ.

Высои. Потому неровня, роду она подкалуй и дворянскаго, сѣа воспитаніе не высокое получилъ.

Таврило. Но-то и по моему занятію тутъ что-то такое подобное...

Высои. Напенька ундръ былъ офицеръ, молодець собой, и красавецъ писанный, только женился онъ на купчихѣ на зѣтисней, и на ея деньги купилъ имѣніе. Да не долго поджила ушибъ на охотѣ обѣ дерево, расказакалъ очень. Очевидно было. Барышня-то наша Марья Петровна, такъ промежду купечества и выросла; барстве начало-то было въ ней и не стало; потому заняться было не отъ кого. Отъ маминки переняты были нелюбви, окромя что, какъ бывало она, очень добрая женщина и рѣдкостная хозяйка, такъ наша Марья Петровна вышла вся въ ней. Только по возрасту мѣтъ-стала въ ней обозначаться красота; начали смѣяться оженщи. Ну, а нашему ужъ этого пере-

7.

ниги никак невозможно, чтобы была въ углу
красавица, да не ему досталась. Сейчас поз-
накомилась, Марья Петровна въ него до сра-
сти влюбилась; Онегинъ въ угоду, онъ и жени-
лся. И съ помощью твоею, какъ въ разъ было.

Гаврило. А потомъ?

Сысей. А потомъ и засосисталъ. Прики-
нулъ Онегу - то маленькѣ, а само за границу.
Такъ три года, мы его и не видали, какъ въ
воду кануло. Въ Петербургъ изъ-за границы
набѣждаетъ часто, а къ намъ и не заглянетъ.
Черезъ три года приѣхалъ, и ситишно таково,
опять въ Онегу влюбился, да не мадамъ; мѣ-
сяца черезъ полтора и....

Гаврило. Изасосисталъ?

Сысей. Засосисталъ. Опять въ Петербургъ,
а тамъ за какой-то берымей за границу, да
по сѣверу мы его и не видали.

Гаврило. Уже для заграничныхъ господъ
въ деревню извѣстное дѣло... знаете скупка....
то нитильность какая-то..!

Сысей. Ну такъ, кабы привѣрка нашлась,
онъ бы нитию поднялъ. Въ разъ вотъ уже теперь
истащъ сталъ, и тяжелемень, а все глаза-то
завислишиы. Вы посмотрите, ровно въ
глазѣми-то все того ищеть, такъ уже они

8.

него съ молодости наиграны.

Гаврило. Теломъ твоимъ выходитъ, не всякому
также это дается.

Высои. Какой быль по дтиимъ дѣламъ сѣ-
рательный, ограда! Это изъ благородныхъ, что
изъ простыхъ, это для него все одно. Какъ его
манитъ тѣло мажонъ, и манитъ ся у него блу-
поты, такой прѣворный сѣется, такъ
ужъ и не разстается. И все словами умища-
етъ, да уговариваетъ; то шепотомъ, то сти-
хи шпаетъ. Начнется у него эта суета, такъ
и не скончается. Только на короткое по долгу
не продолжается. Вотъ и теперь бы ему
таковъ замысли, такъ погостить-бы изагра-
ницу забавить.

Гаврило. Нѣтъ ужъ, кто ей подверженъ,
да коли деньги есть, такъ не забудетъ, все его
поначиваетъ.

Высои. Само собой; жотъ съ нашимъ братомъ
возьмите, или изъ мастеровыхъ; который ге-
ловыхъ ежели по трактирамъ избалуетъ,
ужъ ему дома не сидится.

/Входятъ Анна Степановна и Марья Петров-
на. Высои и Гаврило отходятъ къ сторонѣ/.

Явленіе 2.

Анна Степановна, Марья Петровна.

Анна Степановна. Да, мой друг, твоя это би-на, твоя, что Александръ здѣсь скучаетъ. Мы и не споря со мной.

Марья Петровна. Я съ вами и не спорю, только я рѣшительно не починаю, какъ и ты мѣ еще, кроме любви мой, могу я привязать его.

Анна Степановна. Да развѣ ты не видишь, что онъ художникъ, онъ поэтъ? Это натура въ высшей степени деликатная. Его душа соткана изъ самыхъ тончайшихъ нитей, къ ней надо прикасаться умно-мъ, съ осторожностью. Онъ только что вернувшись изъ-за границы, онъ еще все погрѣ въпечатлѣніяхъ изъи-нало... ну имперей тамъ, музеи и прогалю; у него еще въ умѣ звуки итальянской музыки, въ ша-зартѣ аристократическіе салоны... а ты его при-мо въ коровникъ!

Марья Петровна. Я не думала что это дур-но... я думала, что это моя обязанность разска-зать мурку откровенно, какъ я жила безъ него и что дѣлалась. Мѣшущимъ въ мои года нужно же какой-нибудь занятіе. Мурка я не вижу, дѣтей у меня нѣтъ, — вѣдь жизнь опротивѣла, ели не-имѣть никакого интереса. Я изъелась съ тоски.

Анна Степановна. Цѣлуйся. Сдѣ, мой другъ!
Какъ ты вульгарно выражаешься.

Марья Петровна. Вѣтъ такъ говорить.

Анна Степановна. Мъщанство, матушка, мѣщанство!

Марья Петровна. Дѣло помни, не мудреное, много ума не нужно: нужны только порядки, да чистота. Мнѣ даже хотѣлось похвастаться передъ мужемъ моими удобствами. Изъ маленькой молочной фермы, теперь у меня большое заведеніе. Я завела сыроварню, выписала мастерицу изъ Мверской губерніи, принимаю крестьянскихъ дѣвченокъ, они у меня учатся, потомъ поступаютъ на мѣста, хорошие жданованы получаютъ. У меня разведены отличныя племенные коровы отъ моей фермы-скотоводство во всей губерніи удивляется; за это верятъ, принимаютъ, покупаютъ моихъ телятъ, бычковъ. Это въ этомъ дѣлалось, что за преступленіе?

Анна Степановна. Кто тебѣ говоритъ, что твой коровникъ преступленіе. Молоко необходимо, оно идетъ въ пищу, значитъ необходимы и коровы и коровницы; да не твоё ^{это} дѣло. Ты изумилаишь скотоводство въ губерніи! Въ дѣло это смѣшныя фантазіи! Объ губерніи безъ тебя есть кому заботиться. Для тебя выше всего насытить до блѣда весь мужикъ! Ты говоришь, что скучаешь безъ работы, да кто жъ тебѣ мешаетъ работать? Мало-ли есть женскаго рукодѣлья: примитально, чистого! А потомъ арфа, ты ей забросила совокъ. Нѣтъ,

скажи лучше, что мышечная кровь скапливается, вот это верно!

Марья Петровна. Не живя в деревне — так естественно заниматься хозяйством.

Анна Степановна. „Естественно“ — вот еще слово! Ты думаешь, что естественно, то и хорошо? Мышечные вертут себя естественно, да много ли найдется охотников подражать им? Наши прически, костюмы, раз уж естественно? Были бы те, когда мужчины носили огромные пиджачные парики, а женщины фижмы, под которые ничье тело не спрячется; уж конечно это не естественно, и все тани благородные, умильные изгибы этого века не было и не будет в истории. Ну, да что об естественности толковать! Для тебя всего естественно — стараться править мужику!

Марья Петровна. Я думаю, что ему будет приятно, что я занимаюсь делом.

Анна Степановна. Очень нужно ему, думаешь ты что-нибудь или нет? Мы не забывай, что прежде всего Александр — художник, очень поэтичный; для него главное во всем изящная форма. Я не могу повторить, чтобы женщина не могла удержать и подорвать себя мажорскими, на два. А ведь это естественно в люди сказать: муж не видал тебе при-

года, пришла поветить, и уже через пять дней ужасно собирается. В муженьке и покетство позволительно, а с такими даже и необходимо. Он почти не живет в России, но я по его письмам знаю, что иногда онъ среди самой роскошной природы скрутитъ породичка, что онъ любитъ Россию и все русское. Вотъ-бы ты нашла сарафана, онъ такъ идетъ къ тебе, сплелъ-бы ему русскую тесьму, у тебя прекрасный голосъ. А ты его тащишь на свою ферму, согласишься, что там птиц не много. И съ нимъ ты его познакомишь! Это такое Мальковъ? Видно это мастеровой какой-то. Онъ едва-ли что-нибудь знаетъ, кроме своей химии. Благородный человекъ, а покажется кошкинъ-то дружнымъ заводомъ. Это онъ там кипоросъ что-ли дѣлаетъ. Прекрасное занятіе для дворянина, носишь какой-то мѣщанскій куртку, ѣздишь въ телѣжкѣ, въ орену лошадей.

Марья Петровна. У него нѣтъ состоянія, чтобы четверкой ѣздить.

Анна Степановна. Нѣтъ состоянія, такъ поди служить; а кипоросъ, кому нужно, найдутъ и безъ него. Интересное знакомство для Александра! Ну, понятное дѣло, что ему съ вами скучно. Онъ всю жизнь провелъ съ художниками, съ артистами, а ты его съ мастеровыми знакомишь.

Ныть, как ты хочешь, ты обязана удерживать Алесандра, еще хоть медаль на тебе; или он уйдет теперь, это будет твоя вина, это меня очень огорчит.

Марья Петровна. Я постараюсь, я готова употребить всё возможное....

Анна Степановна. Только пожалей себя, не слезы! Это самое лучшее средство прогнать от себя мужчину.

Марья Петровна. Я знаю, ныть, слезы не будут; это было да прошло.

Анна Степановна. Разве ты уже разлюбил его?

Марья Петровна. Не разлюбил, но я стала покойнее, со мною примирился.

Анна Степановна /шарить/. Зарь же этой мой бимом? Ах, я его там забыла на лавочке.

Марья Петровна. Я его вам принесу.

Анна Степановна. Зачем? не трудись! Я поищу где-нибудь.

Марья Петровна. Да, что за труд? /Уходит. Сырой покажется, ишь, ишь! /

Анна Степановна. Доброй ночи, доброй ночи, простовата, простовата. Сырой, подай мне простовату.

Высокий подает письмо и отходит за кулисы. Входит
Акиметьев, наивистый аристократ.

Явление 3.

Анна Степановна и Акиметьев.

Акиметьев. Объ тебе задумалась, старушка моя?

Анна Степановна. О прошлом, друг мой; о настоящем мне уже нечего думать. Прошлое день и слава богу.

Акиметьев. Да, я понимаю... скучно тебе?

Анна Степановна. У меня теперь только и радости, что ты.

Акиметьев. Благодарю. Целует руку у матери. Но я, что же?... Может быть, оттого я тебе и пишу, что ты меня редко видишь.

Анна Степановна. Что за вздор ты говоришь.

Акиметьев. Ну так, правду. Я, что называется не по себе, бездомовщина. Великолепно оставаться дольше на одном месте я и само от скуки завою по воле и все окружающее вьють, на меня глядя; я скучающий Россиянин. Как не складно я устроил свою жизнь! Уже если кому не следовало жить таким, так это мне. Странное существо теловое: в молодости даны ему все страсти, для того собственно, чтоб на-